

Паранормы

Автор:

Василий Головачев

Паранормы

Василий Васильевич Головачев

Паранормы #1

Есть времена, когда люди берут в руки оружие, чтобы победить врага. А есть – когда сами они превращаются в оружие. Слиперы – паранормы, способные переселяться в сознание противников и программировать их в своих целях. Война за будущее России становится невидимой, неосязаемой, но оттого не менее жестокой и беспощадной. Молодой парень из глубинки по имени Нестор, обладающий сверхвозможностями и обостренным чувством справедливости, неожиданно для себя оказывается солдатом этой войны.

Василий Головачев

Паранормы

Автор предупреждает, что все имена и события в книге вымышлены, любые совпадения с реальностью – чистая случайность.

Глава 1

Зигзаг

Дорога пошла под уклон.

Нестор привычно сбросил скорость и внезапно обнаружил, что тормоз не действует! Как он ни нажимал на педаль, его скромная «Рено Аркана» серебристого цвета продолжала увеличивать скорость, а когда трасса вильнула влево, отказал и руль. Машина слетела в кювет и врезалась в пенёк, выросший перед ней сказочным великаном.

Нестор ухитрился нырнуть в сорванную могучим ударом дверцу, не успев понять, как это произошло, и его вынесло к стене колючего кустарника, исцарапавшего лицо. Пролетев сквозь эту стену, он оказался почему-то в библиотеке: ряды книжных шкафов не позволяли усомниться, что это в самом деле библиотека, освещённая тусклой свечкой, одиноко стоящей на столе.

Налетев на стул, Нестор закрутился волчком, и его подхватили под руки две тёмные фигуры. Напротив выросла ещё одна фигура в чёрном плаще с капюшоном, и на Нестора глянул зрачок пистолета.

– Ты приговорён к смерти! – раздался гнусавый голос.

– За что?!

– За несанкционированное подавление.

– Но я никого... не подавлял.

– Вспомни Дениса! Зачем ты использовал свою силу, не имея на это права?

Нестор подумал о сыне Анны Матвеевны, с которой вместе работал в нотариальной конторе. Он действительно помог двенадцатилетнему мальчишке избавиться от приставаний одноклассника, хотя об этом не мог знать никто. Свидетелей не было.

– Я хотел... решить проблему... не доводя её до полного негатива.

– Ты не имел права раскрывать свои способности. Умри же за это!

Палец палача в чёрном сдвинул курок пистолета, но за мгновение до выстрела Нестор сконцентрировался, «вылетел» из себя, «прыгнул» в голову убийцы, и тот выстрелил... в тех, кто держал Нестора под руки.

Сознание помутилось, ныряя в бездну тьмы... и парень проснулся на краю постели, в поту, свесив затёкшую ногу.

Полежал с минуту, приходя в себя, успокаивая сердце и гадая, что хотело сказать ему подсознание, о чём предупредить. Вспомнил инцидент, о котором заговорил палач в чёрном плаще.

Вся эта вполне житейская история случилась несколько дней назад. На работе он (а служил Нестор Безоружный уже пять лет как в нотариальной конторе Величко) поинтересовался причиной плохого настроения у коллеги, тридцатилетней Анны Тарасовой, и та призналась, что серьёзно расстроена. У симпатичной матери-одиночки был сын Денис, ученик шестого класса. Его, как оказалось, вот уже второй год подряд третировал одноклассник по имени Лёва, сын начальника полиции Южи. Этот Лёва был переведён в класс Дениса из другой школы по причине скверного характера и воспитания и сразу невзлюбил тихого очкарика, не способного дать сдачи.

Провожая одноклассника до дома, он издевался над ним разными способами, а иногда просто колотил, будучи не по возрасту крупным, хотя и немускулистым. За выдающийся живот и толстый зад его втихую дразнили Боровом, что только добавляло злобы в его отношении к сверстникам.

Анну Матвеевну (все в конторе звали её Анютой) Нестор уважал за доброту и отзывчивость, поэтому её слёзы подействовали на него сильно. Выслушав коллегу, он вызнал подробности конфликта и внезапно для себя самого решил помочь, тем более что мужа у Анны Матвеевны не было и воспитывала она сына одна.

Школа располагалась на площади Ленина: жёлтое трёхэтажное здание, в левом крыле которого имелась столовая. Нестор отпросился у начальницы конторы Натальи Степановны Величко, шестидесятилетней дамы с седыми локонами, и подогнал машину к школе к двум часам дня. Приоткрыл окошко, сосредоточился на подготовительном ритуале сродни медитации, помогавшем ему создавать то, что он сам называл «мысленным нокдауном». Он очень

удивился бы, узнав, что феномен имеет научное объяснение и прячется под парой терминов, таких как «индивидуальное психотронное воздействие» и попроще – «засос» или «подвал». Словечко «засос» являлось сокращением слов «затемнение сознания», а «подвал» – «подавление воли».

Громко прозвенел звонок, означающий конец урока, и через несколько минут на крыльцо школы высыпала толпа учеников, порождая бурю весёлых воплей.

Вышел и Денис Тарасов: высокий худенький паренёк с соломенными волосами, в очках, с рюкзаком за спиной. А вслед за ним потопал и Лёва Шмалько. Дождавшись, пока объект его издевательств немного отойдёт от школы (Денис с матерью жили в квартале от неё, на улице Пушкина), Лёва – здоровенный не по годам бугай ростом чуть ли не под метр семьдесят, с покатыми плечами, толстозадый, толстопузый и толстомордый, привыкший к тому, что ему всё сходит с рук благодаря должности отца-полковника, догнал мальчишку и с ходу толчком в спину отправил его с тротуара на проезжую часть.

К счастью, водитель внедорожника «ниссан», едущего по улице, успел затормозить, и Денис под колёса автомобиля не попал.

Дальнейшие события развернулись в течение минуты.

Нестор «прыгнул», и его сознание овладело сферой мышления драчуна, не успевшего сообразить, что происходит.

Восприятие информации, запасённой памятью реципиента, и уяснение главных приоритетов поведения мальчишки стало делом нескольких мгновений. Нестор успел за это время и понять его характер, и осознать правила жизни семьи Шмалько (полное пренебрежение к судьбам окружающих), и определить алгоритм воздействия на его психику.

Проще всего было бы поставить блок в подсознании мальчишки на негативное отношение к Денису. Однако Нестор поступил чуточку иначе. Он не только соорудил блок «антизла», но и заставил Лёву при всех подойти к Денису и попросить прощения, что буквально вызвало у свидетелей, знавших нрав малолетнего агрессора, ощущение разорвавшейся бомбы. Ещё никогда и ни у кого Боров прощения не просил!

Вернувшись в своё тело, Нестор посидел в машине, наблюдая за детьми, живо обсуждавшими родившуюся на их глазах сенсацию, проводил глазами Дениса, вряд ли понимавшего, что произошло, и поехал на работу...

Сон с предупреждением приснился ему на следующую ночь, заставив молодого человека (двадцать восемь лет, за плечами институт лёгкой промышленности в Иванове, женитьба, короткая семейная жизнь, закончившаяся отъездом жены с любовником в Европу, мастер спорта по бегу на длинные дистанции, рост сто восемьдесят пять, скуласт, глаза серо-голубые) задуматься о причинах столь экстравагантного ментального послания. Однако предпосылок к предупреждению он не нашёл и успокоился, подумав, что просто перенервничал после разговора с Анютой, приняв её переживания как реально случившееся с ним самим.

Способности мысленно-волевым усилием выходить из тела и внедряться в сознание собеседника или вообще в любое живое существо проявились у Нестора пять лет назад, после того, как он попал с товарищем в ДТП и чуть не утонул: машина упала с обрыва в реку, а её водителя и пассажира выловили из воды не сразу. С тех пор Нестор научился «затемнять сознание» людей, читать их мысли (после внедрения) и диктовать свою волю.

Разумеется, он не афишировал свои новые умения, справедливо полагая, что на него станут глядеть косо не только друзья, но и правоохранительные органы. Хотя не раз приходила мысль обсудить приобретённые способности с отцом, интересующимся проблемами выживания в экстремальных ситуациях; старший Безоружный, Евлампий Калистратович, работал в Иванове научным сотрудником отделения Российского географического общества.

Спать расхотелось окончательно, хотя шёл только шестой час утра.

Нестор привычно освободился от стресса, порождённого необычным сном, восприняв его не как угрозу, а как вызов, проанализировал план действий на весь день и приступил к выполнению первого пункта – медитации, восстанавливающей бодрость мыслей и мышц.

В шесть часов утра он извлёк себя из пространства «отсутствия мыслей» и занялся «совершенствованием скелетно-мышечной системы организма». То есть – сто раз отжался от пола, сто раз присел, держа спину абсолютно

прямо, сто раз поднял (нагрузка на бицепс) восьмикилограммовые гантели. Качком с гипертрофированно развитыми мышцами он не был, зато идеально поддерживал суплес, выглядел жилистым и гибким, и редкие женщины не задерживали на нём взгляд, когда он шёл по улице, хотя сам относился к этому совершенно индифферентно.

В половине седьмого закончил «заряжаться», приготовил завтрак: омлет с помидорами, чай с розмарином, бутерброды с мягким турецким сыром «Beuz». До восьми часов читал философские труды Сухоноса «Вселенская сила нравственности» и поехал на работу; не на машине – на велосипеде. Это было не только модно, но и полезно для здоровья.

Ровно без одной минуты девять он вошёл в офис, располагавшийся в полуподвале пятиэтажного жилого дома на улице Вокзальной. Контора Величко переехала сюда год назад и успела обжиться, оценив тишину и спокойствие данного городского района.

Соседка по комнате, та самая Анюта, уже сидела на рабочем месте, деловито раскладывая документы по столу. Она занималась вопросами наследования, в отличие от Нестора, являвшегося специалистом в области соблюдения правовых норм, и очередь посетителей к ней всегда была больше, чем у него.

– Ой, слушай, что произошло! – воскликнула Анна, поправляя локон причёски; волосы она красила в ярко-рыжий со светлыми прядями, такой цвет назывался блоранж и в сочетании с медового цвета глазами Анюты делал её симпатичней. Хотя Нестор предпочитал чистых, в смысле цвета, блондинок.

– Да, и что же? – спросил он, уже зная, о чём пойдёт речь.

– Денисик рассказал, – затараторила женщина, поведав ему историю вчерашнего инцидента с Боровом. – Представляешь?! – закончила она удивлённо. – Не понимаю, что на него нашло. Ведь бандит бандитом!

– Может, получил внушение от папаши, – предположил Нестор с преувеличенной задумчивостью. – Либо начал взрослеть и умнеть, испугавшись, что может покалечить твоего Денисика.

– Ой, вряд ли, – всплеснула руками Анюта. – Такие мальчишки с такими родителями не считаются ни с кем!

Нестор сел, начиная разбирать свои дела.

Вошёл еще один их коллега, Пётр Еремеевич Калугин, интеллигентного вида, в костюме с галстуком, которые не снимал даже в летнюю жару. Он носил очки с модным нынче вижн-гаджетом, заменявшим мобильный телефон. Они вместе с седоватой бородкой, причёской «бой-энд-гёл», строгим тёмно-коричневым, в полоску, костюмом и летними брогами с перфорированным верхом превращали пожилого мужчину в представителя Академии наук или, в крайнем случае, водителя крупного чиновника.

– Приветствую, Анна Матвеевна, – тенорком проговорил он, целуя женщине руку. – Приветствую, Нестор Евлампиевич. Как вам погода?

– Погода прекрасная, – улыбнулась Анюта, привыкшая к ритуалу; рабочий день Калугин начинал всегда с одной и той же фразы. – Меня едва не сбила машина без водителя. Терпеть ненавижу эти киберштучки! Если живому водителю можно предъявить претензии, то к железяке за рулём – бесполезно!

– Вы правы, – согласился Пётр Еремеевич вежливо. – Однако нам ещё крупно повезло, что мы живём в эпоху, предшествующую появлению искусственного интеллекта и поголовной чипизации. Нашим внукам будет очень сложно доказывать свою правоту компьютеру. Не так ли, Нестор Евлампиевич?

– Совершенно с вами согласен, Пётр Еремеевич, – не менее вежливо сказал Нестор, и в самом деле склонявшийся к точке зрения коллеги. – Я вообще считаю, что следствием развития цифровых технологий станет создание гиперсети машинного разума, при которой человеку будет отведена лишь роль не имеющей собственной воли клетки.

– Отлично сформулировано! – кивнул Калугин одобрительно. – Скажу больше: мы живём в эпоху распада старой цивилизации и зарождения новой, полностью лишённой духовности и нравственности. Всё начинает зависеть от алгоритмов, вскоре они начнут следить за каждым нашим шагом, каждым вздохом и каждым сердцебиением. Мы ещё будем тосковать по добрым старым временам, когда виртуальный мир был отделён от реального.

– Но это же возмутительно! – воскликнула Аня.

– А кого в наших властных структурах это волнует? – пожал плечами Калугин. – Они первыми проголосуют за новый порядок, лишь бы он позволял им оставаться у власти.

– Их же тоже уволят...

– К сожалению, мало кто из чиновников это понимает. Их сократят в первую очередь, когда интерфейсы «мозг-компьютер» сотрут границу между электронными устройствами и органическими телами. Кстати, мгновенно умрут многие профессии.

– Какие?

– Юристы, к примеру, финансовые аналитики, – Калугин подумал, – врачи, бухгалтеры, библиотекари.

– Врачи не исчезнут.

– Ошибаетесь, нас станут лечить компьютеры.

– А мы останемся?

– Скорее всего, и нотариусы исчезнут как класс вместе с юристами.

– Какой вы сегодня позитивный, Пётр Еремеевич, – рассмеялась Аня, находясь в приподнятом настроении после инцидента с Денисом.

Улучшилось оно и у Нестора, неожиданно для него самого засомневавшемуся в правильности своего вмешательства в ситуацию. Хотя он до сих пор не мог объяснить свой странный сон с «палачом» в чёрном и приговором.

Пётр Еремеевич ушёл, пожелав коллегам хорошего дня.

Но через минуту в комнату впорхнула ещё одна сотрудница конторы, двадцатипятилетняя Валентина Холина, красавица и модница, нередко щеголявшая в откровенных нарядах. Но специалистом она была хорошим, с делами разбиралась быстро, и коллеги терпели легкомысленную брюнетку с пышными формами, относясь к ней кто с понимающей улыбкой, кто с осуждением, кто снисходительно, как тот же Калугин.

Вот и сейчас она ворвалась в комнату потоком летней свежести (погода стояла отнюдь не осенняя, температура воздуха доходила до двадцати восьми градусов), говорливая и смеющаяся, одетая в модный белый, с тонким рисунком костюм отечественной фирмы «Врубашке» из материала букле и туфли от Taccardi. Волосы она взбивала волной по моде «ирокез», носила в ушах красивую геометрическую коллекцию из металла и кристалликов кварца, а ногти у Валентины вообще представляли собой произведение искусства, так как её подруга, известная художница, мастер маникюра Юлия Ведард, копировала на них картины великих художников мира – Ван Гога, Дега и других. Получалось очень оригинально и свежо, и даже хозяйка конторы чопорная Наталья Степановна, сначала принявшая увлечение сотрудницы в штыки, согласилась с мнением остальных служащих, выраженным словами «шикарная экзотика!».

– Ой, чуть не опоздала! – сообщила Валентина, сияя серебристой помадой на губах. – Байкера на углу Первой Заречной сбила какая-то жуткая тачка и уехала, даже не притормозив!

– Он хоть жив остался? – любопытствовала Аня.

– К нему народ сбежался, ждут «скорую».

– Рассмотрели, кто был за рулём?

– Говорят, кавказцы.

– Вот гады! – покачала головой Аня. – Уже и у нас прописались.

Нестор вспомнил свой первый опыт «подвала», произошедший четыре с лишним года назад в Москве.

Пролежав в больнице Южи неделю после ДТП, Нестор поехал на консультацию психиатра в московский психоневрологический диспансер № 3 возле метро Тушинская, чтобы убедиться в своём психическом здоровье (новые возможности тогда действительно пугали), и стал свидетелем конфликта между водителями двух автомашин: «Жигули-пятёрка» с дагестанскими номерами подрезала «Фольксваген-Джетту», за рулём которой находилась молоденькая девушка-водитель. Ехала она с подругой и ничего противозаконного не делала. Зато «джигиты» за рулём убитых донельзя «жигулей» были настроены иначе. Так получилось, что Нестор в этот момент пересекал улицу Циолковского и видел всё в подробностях. Лишь на следующий день стали известны имена «гостей столицы», уверенных в своём превосходстве и потому не боявшихся ни прохожих, ни общественного мнения, ни полиции: Анзор Мадагов, Баграт Качаев, Замир Исаев и Камаль Мамедов.

В принципе, событие казалось рядовым, и смуглолицые «джигиты», едва не устроив ДТП, могли уехать, не доводя ситуацию до конфликта. Однако они оказались автоподставщиками (об этом красноречиво говорила их «супертачка», усеянная вмятинами от мелких столкновений) и ни о каких компромиссах не помышляли. Все четверо выскочили из машины и начали поносить сидящих в «фольксвагене» девушек, оскорблять их и угрожать.

Мимо в этот момент проезжал байкер на мотоцикле класса «Эндуро», но остановился, услышав крики и мат, и попробовал урезонить разгорячённых «джигитов». Это привело молодцов в ярость, двое вытащили из багажника бейсбольные биты, начали крушить байк и избивать мотоциклиста, первыми же ударами разбив ему шлем и сломав руку.

Решение вмешаться возникло у Нестора спонтанно, после того как один из наиболее агрессивных молодых людей ударил девушку-водителя, пытавшуюся вступить за мотоциклиста. Так как Нестор находился в машине, ему не надо было специально готовиться – искать тихое место или какое-нибудь убежище: в момент перехода сознания в чужую голову его тело естественно теряло способность мыслить и замирало. Поэтому виртуальный прыжок «пси-сферы» в мозг «джигита» почти не отразился на положении Нестора: он просто откинулся на спинку водительского сиденья и «заснул». Само же внедрение в мозг молодчика заняло долю секунды, и осознавший себя хозяином чужого тела Нестор начал командовать им как своим собственным.

Первым делом он с удовольствием перетянул битой напарника, избивавшего мотоциклиста: от удара по голове тот с криком завертелся волчком и рухнул под свою машину.

Вторым ударом – по плечу – Нестор остановил его соседа, затем от души врезал ему по спине, заставив с воплем отступить.

Но так как ни борьбой, ни боксом, ни воинскими искусствами Нестор тогда не занимался, хотя и выглядел спортивным, то не знал ни приёмов боя, ни принципов уличной драки. Четвёртый член банды не стал ждать, когда «сошедший с ума» приятель звезданёт его, и ударил Замира по затылку, практически оглушив парня.

Естественно, получил «сдвиг по фазе» и Нестор, находясь в голове «джигита», почувствовав такую же боль. Какое-то время он неумело отмахивался битой (отмахивался конечно же её владелец, смуглолицый Замир, Нестор лишь командовал его телом) от озверевшего приятеля, но получил куском бордюра по челюсти и вернулся, оглушённый, в своё родное тело.

Драка закончилась.

К толпе, окружившей «джигитов» и их жертвы, подъехала полиция, начался «разбор полётов», мотоциклист и девушки из «фольксвагена» хотя и пострадали, но остались живы, и Нестор, пришедший в себя в машине, поехал прочь. С тех пор он занялся боевой подготовкой под руководством приятеля отца Трофима Игнатьевича Сокола, наставника и тренера сборной Подмосковья по боевому самбо. Правда, драться и доказывать свою правоту кому бы то ни было с помощью кулаков он по-прежнему не любил.

За истекшие с того памятного момента годы он не раз становился свидетелем криминальных разборок, а также отвратительного отношения чиновников к людям, особенно на бытовом уровне, но в инциденты вмешивался крайне редко, несмотря на то что затемнением сознания и подавлением чужой воли научился владеть почти так же свободно, как дыханием. Не увлекаясь ни политикой, ни соцсетями, он полагал, что контролем законности в стране должны заниматься соответствующие структуры уровня МВД и ФСБ. Однако иногда душа бунтовала, видя беспредел чиновного, бандитского или властного люда, и требовала справедливости. Тогда он вмешивался, надеясь, что о его способностях никто не

догадается и не узнает...

Пошли посетители, соблюдавшие давно заведённый (после окончания пандемии коронавируса) порядок: социальная дистанция, маски, никаких рукопожатий, измерение температуры. До вечера Нестор проконсультировал восемь человек и обрадовался, когда рабочий день закончился. Позвонил другу, Стасу Ревенко, капитану экраноплана южской Рыбинспекции. Стас находился в отпуске и предлагал рано утром в субботу сходить в Балинский лес за клюквой.

– Договор в силе? – спросил Нестор, нацепив очки с вижн-гарнитурой, позволявшей видеть лицо абонента так, будто тот стоял перед ним.

Стас, загорелый, с выгоревшими соломенными усами, улыбнулся.

– К нам хочет присоединиться Ксюша Форнасова, с мужем, помнишь такую?

– Наша соседка. – Перед глазами Нестора соткалась фигурка девушки, дом которой стоял на окраине Южи, где они когда-то, ещё до переезда семьи Нестора в новый дом, жили бок о бок.

– Она работает и живёт в Иванове, но приехала в отпуск к родителям и нашла меня.

– Ты когда-то за ней...

– Бегал, – белозубо засмеялся Стас. – Но пути наши, к сожалению, после школы разошлись. Может, это и к лучшему, но я очень хочу посмотреть на её избранника.

– Кто он?

– Говорит, майор полиции, зовут Костей.

– Вообще-то я не жажду компании...

– Дружище, я ей уже пообещал, – смущённо шмыгнул носом Стас.

– Ладно, уговорил. Как поедем? На моей «реношке» или на твоём бомбовозе? – Нестор имел в виду «Джип Патриот», на котором ездил друг.

– Ксюша предлагает ехать на их тачке, у них «Порше Кайенн».

– Солидный аппарат. Хорошо наверно зарабатывают полицейские в Иванове, крышуя коррупционеров.

– Ну не все же они крышуют, нынче в полиции служат и честные ребята.

– Ехать надо пораньше, чтобы в лесу быть уже на рассвете.

– Заедем за тобой часов в пять, встанешь?

– Разбужу тебя в три, – пообещал с улыбкой Нестор, прекращая разговор.

Размышляя о том, зачем Стасу понадобилось брать с собой соседку, в которую был влюблён в юности (неужели старое чувство проснулось?), он попрощался с коллегами и поехал домой, не зная, как круто вскоре изменится его размеренная жизнь.

Глава 2

Провал

Подготовка к операции длилась полгода. Предусмотрели всё, что только можно было предусмотреть, даже нейтрализацию свидетелей возможного конфликта, только не того, что случилось на самом деле.

Целью операции была нейтрализация председателя Комиссии польского Сейма по вопросам спецслужб Марека Мацаревича. Нейтрализация вовсе не означала физического устранения указанного деятеля, яростного русофоба, но он должен был уйти со своего поста, так как являлся главным инициатором создания на территории Польши американской военной базы. Его слово должно было стать

решающим в этом деле, потому что остальные деятели, имеющие политический вес, такие как министр обороны, министр иностранных дел, командующий Войском Польским и сам президент, практически дали своё согласие.

Местом расположения базы (ей даже успели дать название – Форт Трамп) предполагался военный комплекс в небольшом городке Хошно Западно-Поморского воеводства, недалеко от Щецина. Сам городок был действительно невелик, в нём проживали всего шестнадцать тысяч человек. Но военная база имела свой аэродром, её контингент включал три авиаполка и полк РЭБ, а кроме того, под землёй прятался ещё и центр военных исследований под командованием полковника Яцека Матерняка.

Конечно, переоборудование базы требовало немалых финансовых вложений, по прикидке – до пяти миллиардов долларов, однако президент Польши Яков Дурда пообещал вложить в неё «кровные» два миллиарда, и теперь оставалось только подтвердить его решение, что и должен был сделать господин Мацаревич, генерал, бывший разведчик и советник президента, проповедовавший политику двойных, а нередко и тройных стандартов, особенно в отношении России, её руководства и народа.

Охотились за ним с использованием всех новейших средств разведки и связи, в том числе – с помощью нанотехники, поэтому знали о передвижениях и замыслах генерала всё. Но главное было выбрать место для операции «засоса» (так в просторечии сотрудники отряда «Призрак» в недрах российской Службы специального назначения ГРУ называли технологию «затемнения сознания»), и когда стало известно о встрече Мацаревича с делегацией военных США в Хошно, аналитики «Призрака» предложили командованию этот вариант, несмотря на его кажущуюся нелогичность. Такие встречи обычно хорошо охранялись, к встречающимся невозможно было подойти на близкое расстояние, и именно поэтому нападение вроде бы было невозможно, что усыпляло бдительность охраны.

Исполнителем же операции должен был стать Владимир Даманский, тридцатитрёхлетний слипер, как называли таких специалистов, один из самых секретных сотрудников спецслужбы «Призрак», о деятельности которой знали в России всего три человека помимо руководства ГРУ.

Встреча польской и американской делегаций была намечена на седьмое сентября в кафе «Буяк» на Пляц-Яна-Павел II в Хошно, после чего американцам

планировалось показать базу с её коммуникациями и доставить их в аэропорт Щецина.

Даманский, обосновавшийся два месяца назад в Хошно под видом бармена кафе «Буяк» (совпадение намерений поляков и руководителей ГРУ сочли счастливым предзнаменованием), завёл себе приятелей и подозрений не вызывал. По матери он являлся австрийцем, по отцу – польским евреем, знал польский язык как родной и благодаря своим способностям «затемнять сознание» сумел убедить польскую контрразведку в том, что он «свой». Во всяком случае, по документам он был перед властями абсолютно чист.

В двенадцать часов дня по местному времени к зданию кафе, имевшему вид старинной корчмы, подъехали четыре автомобиля: два сине-белых полицейских «форда», кроссовер «БМВ Х6» и «мерседес». Это прибыли польские функционеры во главе с Мацаревичем, щеголявшим зачем-то в генеральской форме. С ним выбрались из внедорожника начальник исследовательского центра Яцек Матерняк и начальник базы в Хошно генерал Дариуш Махульский, в отличие от Мацаревича одетый в гражданский костюм.

Матерняк напоминал медведя своей сутулой фигурой, округлостью, размерами и волосатостью. Сорокапятилетний Махульский был мал росточком и походил статью на известного актёра, игравшего в фильме «Потоп» пана Володыевского.

Площадь вокруг кафе была взята под видеоконтроль ещё с раннего утра, и ничто не предвещало каких-то серьёзных инцидентов с жителями Хошно, не раз выходившими к зданию мэрии с требованием убрать военную базу подальше от городка. Американцев здесь не любили, потому что бравые янки, небольшой контингент которых прибыл в Хошно ещё год назад, не единожды устраивали пьяные дебоши и увозили к себе местных девушек.

Гости расположились в центре главного зала кафе, заняв два столика. Им принесли напитки, а бармен – Даманский, которого здесь знали под именем Станислава Ружаньского, предложил компании холодного ягодного морса; день выдался жарким для первой декады сентября, и с утра температура воздуха медленно, но уверенно приближалась к плюс тридцати градусам Цельсия.

От морса не отказался никто.

Через десять минут подъехали ещё две автомашины: чёрный внедорожник «Тойота Мега Крузер» и пятнистый гигант «Хаммер H1». В кафе вошли представители американских военных в сопровождении посла США в Польше Роберта Болдуина, внешне похожего на благостного, украшенного благородной сединой священника.

В кафе сдвинули столики, и делегаты с обеих сторон, позволившие себе дежурные шутки и фальшивые улыбки на тридцать два зуба, расселись друг против друга. Приветственную речь произнёс Мацаревич, оценив встречу как «событие планетарного масштаба, призванное сдержать агрессивные замыслы соседа – России».

Наступил момент истины: Даманский был готов выполнить свою миссию.

Вариантов было два.

По первому слипер мог внедриться в сознание главного американского переговорщика, коим являлся посол Болдуин, и заставить его оценить состояние базы как неудовлетворительное, что наверняка повлияло бы на сроки переезда в Хоцно американского контингента со всей его техникой.

Второй вариант предусматривал скандал, который должен был устроить сам Мацаревич, найдя для этого удобную причину. Данный вариант «засоса» был сложнее первого и не столь надёжен, поэтому Даманский избрал первый – с зомбированием посла.

Процедура включения «засоса» или «подвала» казалась простой только на первый взгляд. Оператор-сенситив, он же слипер, собирал свою мысленную сферу в подобие снаряда и вгонял его в голову человека, которого надо было запрограммировать. Этот «снаряд» блокировал сознание жертвы, считывал всю его память и мысли и заставлял реципиента выполнять команды «внедрителя» как свои собственные, жёстко кодируя мозг жертвы на любое действие, вплоть до насилия, убийства, предательства, террористического акта и даже самоубийства. Чтобы внушённая программа начала работать, нужно было создать точку отсчёта, спусковой код, которым мог стать набор цифр, звуки, картинка, фото или конкретная ситуация. Снять же этот код мог только сам слипер, для чего ему необходимо было ещё раз встретиться с закодированным.

Однако операция с участием Даманского не рассчитывалась на повторные контакты, и он собирался установить ментальный «датчик» временной задержки нейтрализации кода, заключающийся в желании посетить туалет.

Но существовал ещё один тонкий нюанс в работе слипера – его положение в момент атаки. Он как личность переставал существовать, поскольку его «я» внедрялось в сознание другого человека. И если бы в этот момент его увидели окружающие, могли бы подумать о чём угодно, только не о том, что случилось на самом деле. В стандартной ситуации первое, что пришло бы в голову свидетелю: человеку плохо, у него сердечный приступ и он потерял сознание! Люди наверняка кинулись бы к нему на помощь, а в случае проведения операции это стало бы провалом, и слипера могли захватить в плен. Поэтому ему нужен был охранник, который в момент «засоса» оставался бы рядом с телом оператора и следил, чтобы к нему никто из посторонних людей не приблизился.

Альтернативой охране был выбор места для акции внедрения с таким расчётом, чтобы слипер мог оставаться незамеченным на время «перехода», что давало ему возможность вернуться в родное тело, а потом спокойно покинуть убежище.

Конечно, и на этот раз можно было пойти по первому пути: встретить делегацию, прыгнуть в голову Мацаревича или посла, запрограммировать их и вернуться обратно, хотя при этом наверняка поднялась бы суматоха, так как Даманский должен был на эти пять – десять минут потерять сознание. Но аналитики «Призрака» решили иначе, и слипер согласился с их предложением «затемнить» сначала кого-то из obsługi кафе, чтобы тот покараулил «спящего» бармена в укромном месте, в подвале кафе или возле холодильной камеры.

Даманский так и сделал: увлёк в подсобку одного из грузчиков заведения по имени Вацек, пузатого, кряжистого, молчаливого и покладистого, ввел его в состояние «подвала», сидя на ящиках с пивом, вернулся в себя, и оба отправились в зал к ничего не подозревающим клиентам. Став в двери так, чтобы видеть американского посла, Даманский прыгнул в него «пулей» ментального воздействия и в течение пары секунд завладел сознанием джентльмена, слушающего речь Мацаревича.

Естественно, оставшись без мыслящего субъекта, тело Даманского стало безвольным, но упасть ему не дал Вацек, запрограммированный на определённые действия. Он подхватил падающее тело слипера, отступил в коридор за дверь и отнёс его в подсобку, не встретив ни одного работника

кафе; все они в данный момент суетились в зале и на кухне, ожидая заказов важных гостей.

Времени для кодирования посла Даманский отвёл себе не более семи минут. После этого Вацек должен был отнести его обратно из подсобки в зал, где Даманский собирался вернуться в собственную голову.

Такой способ внедрения в реципиента был весьма неудобен, однако Даманский так и не научился выходить «из себя» вдали от жертвы, на большом расстоянии. Такими способностями обладали очень немногие слиперы, однако Даманский был не из их числа.

Оказавшись в голове Болдуина, он привычно освоился со своим положением, полистал память посла, определил его слабые и сильные стороны и принялся вводить в подсознание клиента программу «подвала», по которой посол должен был действовать после того, как оператор покинет его мозг.

В программу входили три команды: первая – осмотреть базу и выявить её недостатки, вторая – придрататься к какой-то особо неприятной мелочи, затеять скандал с оскорблением польских чинов и третье – убраться в свою резиденцию в Щецине с выводом: хощновский военный объект не способен стать базой Соединённых Штатов по причине полной его непригодности.

Каково же было удивление Даманского, когда он наткнулся на «мёртвую зону» в психике реципиента: так специалисты ментального программирования называли блок, запрещающий манипулирование сознанием клиента. Войти в мозг Болдуина Даманский вошёл и даже взял его сознание под контроль, но внушить программу действий не смог. Пси-структуры мозга, ответственные за выполнение команд подсознания, были перекрыты! Даманский не сумел ни усилием воли нейтрализовать барьер, ни просочиться сквозь «мёртвую зону» как квантовый пакет сквозь полевую мембрану.

О том, что это ловушка, он понял слишком поздно.

Занятый «зашивкой» программы в мозг Болдуина, он не заметил, как в зале появились два человека в чёрных комбинезонах, с телекамерами в руках, и направили раструбы объективов на фигуру посла.

Но это были не телекамеры.

Даманский вдруг почувствовал дуновение ледяного ветра (впрочем, не почувствовал, так как его органы чувств остались в собственном теле, а обнаружил некое соответствие этому ощущению), после чего на него упала светящаяся сеть и начала душить.

Слипер начал судорожно «тыкаться носом» в разные стороны, пытаясь найти щёлочку в сети или разорвать её, но она оказалась прочнее, сдавила со всех сторон, и Даманский осознал, что его здесь ждали! Ничем иным объяснить происходящее он не мог. И выбраться из ловушки не мог, потому что до назначенного момента возвращения в родное тело оставалось ещё как минимум три минуты.

Он нырнул в подсознание Болдуина поглубже, как это делает ныряльщик за жемчужными раковинами, лихорадочно пытаясь найти выход из положения, и обнаружил, что посол США в Польше, несмотря на вид и поведение пастора... вооружён! Искрой проскочила мимо сознания чья-то запомнившаяся шутка: американец без оружия – что змея без яда...

Светящаяся сеть сдавила сферу мироощущения сильнее. Даманский едва не закричал – внутрь себя, без звука! Последним усилием воли он заставил Болдуина вытащить из-под мышки небольшой «ругер» и выстрелить ему-себе в голову.

Темнота накрыла сознание плотным покрывалом...

Глава 3

«Призрак»

Гости столицы, гуляя по знаменитым улочкам и тупичкам в районе Мясницкой, наверняка не раз проходили мимо особняка в Варсонофьевском переулке, рядом с Божедомкой (так называлось кладбище, где в стародавние времена хоронили умерших без покаяния – самоубийц и утопленников). По легенде, сюда же по

приказу царя Лжедмитрия был перевезен из Кремля и труп Бориса Годунова. Впоследствии Годунова перезахоронили в Троице-Сергиевой лавре. Лжедмитрия же засунули в пушку и выстрелили им в ту сторону, откуда он явился. Но речь не об этом.

В том же Варсонофьевском переулке в глубине парка пряталось под сенью лип и тополей неприметное двухэтажное здание, облицованное серым кирпичом с красными вставками, на крыше которого вырос целый лес антенн. Подъезд к зданию через решетчатые, литые, чугунные ворота был один, однако им пользовались нечасто. Мало кто знал, что у здания имеется подземный гараж на два десятка автомобилей и попадают в него по длинному тоннелю со стороны Чистопрудного бульвара, через автоматически открывающиеся ворота с табличкой: «Посторонним въезд запрещён». Вторая табличка – на кирпичном столбе рядом с калиткой – гласила: «Филиал Российского исторического общества».

Однако на самом деле располагалось в здании одно из самых секретных подразделений Корпуса специальных операций (КСО) Главного разведуправления Министерства обороны России «Призрак», о деятельности которого не был осведомлён даже президент страны.

В среду, восьмого сентября, в одиннадцать часов утра в кабинете главы подразделения собрались четверо: хозяин кабинета полковник Сивков, сорокапятилетний блондин, одевавшийся с подчёркнутым шиком, больше похожий на артиста, чем на сотрудника спецслужбы, руководитель научной группы доктор медицинских наук Курчинский, полковник Дубинин, командир службы безопасности «Призрака», и глава отдела информационного обеспечения майор Хвощёв.

До появления Сивкова гости сидели в его небольшой по размерам приёмной и от нечего делать вели беседу, тему которой задал хмурый Дубинин.

– Опять пробки, – сказал он, морщась. – Плюс куча дураков на дорогах! Так и жди, что кто-нибудь тебя подрежет либо тукнет в корму.

– Не стоит ждать плохого, – с улыбкой проговорил добродушного вида толстяк Курчинский. – Срабатывает так называемый эффект ноцебо: ожидание плохого порождает плохое.

– К сожалению, «неожидание» плохого не спасает от дураков, – пробурчал Дубинин. – А их становится всё больше, судя по избирательным кампаниям и отношению к указам нашего глубокоуважаемого гаранта Конституции.

– Это вы о чём, Игорь Михайлович? – полюбопытствовал Хвощёв, носивший щегольские усики.

– Большинство юзеров соцсетей без сомнений приняли к исполнению ЕФИР[1 - Единый федеральный информационный регистр. – Примеч. авт.]. То есть люди сознательно согласились на тотальный контроль! О чём это говорит, по-вашему?

– Ну, пользователи соцсетей по большому счёту и не люди уже, а цифровой компьютерный планктон. Что касается дураков...

– Могу дать точную характеристику этого глобального явления, – перебил Дубинина Курчинский. – Извините, Игорь Михайлович. Не возражаете?

– Всё равно ждём, – пожал плечами тот.

– Так вот эталон дурака представляет собой существо с близкой к нулю способностью к логическим операциям. Вообще это категория людей, требующая внимательного изучения, поскольку феноменальная способность извращать логику приближает дурака к гению. Но что поражает более всего, это умение дурака искусно мимикрировать под окружение. Его защитные механизмы прекрасно развиты и защищают от вымирания.

– Это ваше личное мнение? – прищурился Дубинин. – Или результат научного исследования?

Курчинский расплылся в усмешке.

– Одно не мешает другому. В жизни различают три вида дураков: *durakus prostus* – просто дурак, *durakus glupus* – дурак глупый и *durakus umnikus* – дурак умный.

Приглашённые переглянулись. Поднял голову от стола и секретарь главы «Призрака», суровый мужчина с безволосым черепом.

– Можете охарактеризовать каждого? – спросил Дубинин.

– Разумеется. Если коротко, просто дурак или «дурак вульгарис», как правило, легко распознаётся по типу поведения и высказываниям. Он не умеет рассчитать полезность или вредность своих высказываний и действий для будущего, в том числе собственного, и очень легко попадает впросак. Лечению не подлежит.

– Примеры привести можете?

– Миллион. Самый наглядный пример – комментатор спортивных состязаний Глуперниев.

Хвощёв рассмеялся.

– Да уж, в точку. Иногда такие перлы выдаёт – диву даёшься. Ну а что такое глупый дурак?

– Глупый дурак вызывает умиление. Он прост и незамысловат. Глупый дурак с детства усваивает истину: умные слабого и доброго не обижают. Он паразитирует на слабостях сильных людей. Сам не хочет и не способен нести ответственность ни за что, а уж тем более за своё поведение. Любит быть незаменимым, любит заседать и участвовать в различных комиссиях, получать награды и почести. Верит всему, о чём пишут в газетах. С успехом делает политическую карьеру среди таких же идиотов, ненавидит творческих людей, часто хвастается, нередко прячется под маской творческой личности, особенно если пишет стихи или фантастику. Всегда и всем недоволен, на всех немного обижен, считает, что ему недодали, недоучили, не похвалили. Он прилежен и угодлив, за что и нравится окружающим. Самое интересное, что часто образован и любит носить галстук. А самое горькое – что умеет делать успешную карьеру. Лечению также не подлежит. Примеров тоже хоть отбавляй, их много среди так называемой интеллигенции и сетевых «писателей», которых сотнями одаривают лайками такие же недалёкие читатели.

В приёмную вошёл Сивков, широкоплечий, по-спортивному подтянутый, быстрый в движениях. Лицо у полковника было клинообразное, сужающееся к подбородку, в серых глазах тлело ощущение силы и уверенности. Полковничью форму он никогда не носил и в данный момент был одет в отливающий

жемчугом костюм с охлаждающим слоем и синюю рубашку со стоячим воротником. Услышав последние слова Курчинского об интеллигенции, он усмехнулся, подавая ему руку.

- Надеюсь, вы не нас имеете в виду?

- Никак нет, Владлен Тимофеевич, - успокоил его медик серьёзно. - Я бы помер от стыда, если бы принадлежал к современной российской либеральной интеллигенции.

Пожав руки остальным, Сивков проследовал в свой кабинет со словами: прошу подождать пять минут, товарищи.

Секретарь последовал за ним.

- Успеете закончить увлекательную лекцию, Марион Давидович? - посмотрел на Курчинского Дубинин. - Хотелось бы узнать, что такое умный дурак.

Снова уселись на стулья.

- О, это явление глобального масштаба, - сказал Курчинский. - Умный дурак представляет собой самый сложный из всех видов дураков. Очень трудно распознаваем. Вызывает даже уважение, смешанное со страхом и брезгливостью. Много и убедительно говорит, и все его речи сводятся к главному тезису - что он самое исключительное разумное существо во Вселенной. Отличается холодной расчётливой жестокостью и расточительностью по отношению ко всему, что лично ему не принадлежит. Гурман, как правило, мясоед и любитель чёрной икры. Собственник, ценит всё материальное во вред культурному. Создал практически все существующие на планете материальные ценности, гордится и поклоняется им. Подобно всем паразитам очень живуч и склонен к мутациям.

- В таком случае под эту категорию можно подвести весь народ, - скептически проговорил Хвощёв.

- Не весь, - возразил Курчинский. - Я, конечно, несколько утрировал систематизацию дураков, но от истины далеко не ушёл. Вы ещё не раз

убедитесь в этом, если до сих пор не убедились.

– Я лично не задумывался, – признался Дубинин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Единый федеральный информационный регистр. – Примеч. авт.

Купить: https://telnovel.com/golovachev_vasiliy/paranormy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)